

III. МЕЖДУ «ПЕСНЯРАМИ» И... «ПЕСНЯРАМИ»

КВАРТИРА СТОИЛА ДЕВЯНОСТО ВАГОНОВ КАРТОШКИ

Первое время после ухода я никого не хотел видеть и просто кайфовал на даче (квартиры-то у меня не было). Времени поразмышлять хватало. Проблемы в «Песнях» меня уже не касались: никаких ненавистных фамилий, лезущих не в своё дело жён, бесконечного скула... Мало того, я искренне хотел быть вне музыкальной темы, так что пять лет не прикасался к инструментам — разве чтобы пыль вытереть. Саксофон я отдал своему ученику Римасу Кеблярису: «Приценись и продай». (Причём с Римасом я вместе служил, играл танцы, но считается, что он мой ученик. Лучший, кстати. Тем более второго не было и, наверное, уже и не будет. А если серьёзно, то в какой-то период Римас, долгие годы работавший сначала в цирковом, а потом в концертном оркестре у Михаила Финберга, слыл лучшим саксофонистом Минска.) В результате он пришёл с сотней долларов. Спрашиваю: «Это аванс?» Он отвечает: «Это всё». Я только за голову схватился: тому саксофону цена была под тысячу долларов!..

Тем временем вокруг появились новые лица, развернулся бизнес, куда кинулся и я — что-то не радовала перспектива жить на восемьдесят баксов. Но бизнес — это не только денежки пересчитывать, но и договариваться, заключать сделки, рисковать. А ещё следить, чтобы тебя не обчистили свои же люди. В таком деле крутились люди незнакомого мне типа, отношения были другого характера, по-иному измерялся результат. В общем, чтобы разобраться и двинуться вперёд, подключил все свои старые связи. К примеру, начал со знакомыми россиянами, которые для открытия бизнеса в Беларуси пытались выйти на достаточный уровень. Я помог им навести мосты, и это оказалось не так уж трудно сделать. Ну а со временем сам стал обрастать новыми знакомствами. И процесс пошёл, всё закрутилось ладно-складно: больших проблем, которых в то сложное время всегда боялся, так и не нашёл. Наверное, потому и безумных заработков не было. Более того, бывало просто затишье. Но порой фортило сказочно: например, одной сделкой фирма продала

девятью вагонами картошки в Украину. Тогда моей доли прибыли хватило, чтобы достроить кооперативную квартиру в новом минском районе. Только тогда, кстати, камень с души у меня упал: всё-таки ничего в жизни не потерял.

Затем были ещё фуры с мылом и макаронами из Чехии, со стиральным порошком из Болгарии. Потом открыли с компаньонами небольшой заводик в Заславле по переработке ячменя, немаленький магазин (он одновременно был фирменным для Климовичского ликёро-водочного завода) с баром, офисом и складом. Наконец, дошло до продажи автомобилей ВАЗ по всей Беларуси (и решения личного автовопроса). В общем, все время рассчитывал на «крупную рыбу». С нарушениями зарабатывал и без них, но тогда главное было одно — крутиться. Наверное, после вхождения в автобизнес с деньгами всё более-менее наладилось: хватало и на жизнь, и на отдых. Ведь и последние годы в «Песнярах» при тогдашней бешеной инфляции, и после ухода из музыки в бизнес уровень жизни нашей семьи был, скажем прямо, средненький.

ТАК ВОРОВАЛИ У «МИЛЛИОНЕРА», ЧТО ОН ЧУТЬ НЕ ЗАПИЛ...

На себе проверил утверждение: имеешь водочный магазин — значит, внимание друзей к тебе обеспечено. Вернее, к твоему магазину и особенно к его товару. А ещё к подсчёту твоих доходов. Один-другой знакомый заглянул на «обзорную экскурсию» (мол, как там этот носатый устроился?), зашёл в подсобку, где ящики с водкой доставали до потолка (с нами завод работал без предоплаты и подготавливал сразу фуру водки), — и всё: ты в глазах народа миллионер. После этого не было и недели, чтобы не приходили просить денег музыканты, композиторы, художники! Конечно, о капиталистических успехах Змея быстро узнали и в «Песнярах». Как показала жизнь, некоторым это спать не давало не один год. Но я тогда ни о чём таком совсем не думал. Главной проблемой на том же заславском заводике оказалось тотальное воровство: чуть не за руку хватал рабочих! Им невдомёк, что это уже не советское, а кровное, за которое вгрызёшься в каждого. Ну а с другой стороны, на кого менять про штрафившихся алкоголиков в небольшом городке? Чуть сам не запил от неразрешённой дилеммы — своё же!

Правда, в тот момент только кассеты Валеры Дайнеко, которые среди прочего можно было купить в магазине, и связывали меня с музыкантами. Ну прямо всё как мечтал! Из бывших «песняров» перезванивался с Шуриком Демешко. О делах в ансамбле, о Володе Мулявине узнавал у Игоря Пени. Ясно, что постепенно обиды перекипали. Однажды я даже заглянул в расположение ансамбля: когда мне потребовался ремонт в офисе, зашёл взять телефон масте-

ров, которые делали кабинеты «Песнярам». Тогда и Володя встретил меня радушно, и его супруга.

НЕ «ПЕСНЯР» — ну и пошёл!

Кстати, тогда же, может, спустя полгода после ухода из «Песняров», жизнь указала, как быстро выпадаешь из светской обиходы. На юбилее моего армейского командира, дирижёра и соседа по даче Бориса Пенчука ко мне не просто шёл — летел с вытянутой рукой один знакомый щегол: «Как там “Песняры”? Как Мулявин?» А я говорю, что не знаю: ушёл из ансамбля. Надо было видеть, как он на глазах потерял интерес и молча растворился в толпе. Тогда я понял, что «золотые» времена, когда тебя везде узнают и всегда помогут, видимо, прошли. Место работы для большинства значило куда больше, чем ты сам: не «песняр» — ну и пошёл на ***! И, признаться, это был довольно неприятный переход в ряды «простых смертных». Да, четверть века на виду и достаточно большая известность накладывают отпечаток на тебя самого, на твой образ жизни.

Правда, на семейной жизни такие перемены никак не отразились, к чести моей дорогой жены Ольги. Ещё раньше, когда концертов было совсем мало, а зарплаты никакие, когда я молился на свою пенсию, чтобы куда-то выскочить из замкнутого круга «Песняров», — ни одной претензии, ни слова недовольства! (Собственно, как и в том случае, если я в этот круг кидался снова: «Надо — значит, надо».) К тому же на том ярко выраженном спаде была поддержка тёщи и тестя, Ольгиных сестёр. И так по сей день, только Анатолия Лаврентьевича уже не стало. Для меня это было так необычно — знакомы ведь без году неделя. Да и мне тогда самому бы себе толком ответить: «Змей, а дальше-то что?», — а тут настоящая семейная жизнь... В общем, для меня она оказалась огромной ответственностью. Спасибо тебе, Птичка!

Двадцать девятое февраля, или Семья так, как я хочу

Что в жизни появилось с Птичкой? Семья — такая, как я хочу (наконец-то!). Я делал этот шаг с полной сознательностью: коль хочешь — корми, пои, одевай. И всё, что недодал в первой семье, Каролине, перенёс на Диму и на Птичку. Есть одна фотография, где мы с Олей, ещё маленький Мос (так Диму называю дома), Каролина приехала. Я на этот снимок в рамке всегда смотрел и думал: вот и семья, появилось то, чего не хватало в жизни, то, что было у моих родителей. Ведь почти вся моя жизнь прошла сначала в казарме, в общаге, потом в коллективе. И жена была, а семьи не было. Теперь всё есть, теперь всё в порядке.

Вверху: Оля («Птичка») — совсем молодая и Влад — ещё совсем не старый.
Начало 1990-х. Внизу: Любимый тесть Анатолий Лаврентьевич и любимая
тёща Елена Дмитриевна

Правда, двадцать лет мы не расписывались: только совесть, никаких бумаг! Причём об отсутствии штампов в наших паспортах, кроме нас и ближайших родственников, никто и не знал. Даже смеялись по этому поводу. Хотя иногда я видел тоску в Олиных глазах. И дело было не в том, что кто-то из нас сомневался: ещё когда меня после развода разрывало между Кавказом, Москвой и Нью-Джерси, я, как теперь понимаю, в сердце свой выбор сделал. Тем более Птичку мои родители увидели и одобрили: их человек, что называется. Скорее, теперь семья мне виделась так: кормлю, пою — всё здорово, а каких-то иных желаний, лишней квартиры или более высокой зарплаты от штампа не добавится и не убавится. Наверное, сработывал психологический барьер: почему я всё время кому-то что-то должен? Особенно после непростого развода как раз на почве обязанности меня терзал страх повторения. Мол, как это ты принёс денег меньше, чем обещал, — одно только предположение о таких разговорах вводило меня в дискомфорт страшнейший! И пример Володи Мулявина стоял перед глазами. Он-то сразу потащил расписываться сначала Светлану первую, а там и Светлану вторую. «Не спеши, подумай!» — сколько мы ему это говорили, но он только разводил руками: «Чуваки, я не могу — люблю!..»

Трели о любви — это не моё. Я точно знаю, что сплывало нас с Птичкой желание быть вместе, создать семью, всё наладить в быту, помочь сыну Диме устроить жизнь. А когда всё случилось, когда второй заход в тему «Песняров» удался (может, это как раз и принесло мне ощущение стабильности), подумали и о любви. Дождались своего двадцать девятого февраля и расписались рано утром в Минске. Пустой ЗАГС был — а я и понятия не имел, что все боятся жениться в этот день! Правда, тут же съездили в свадебное путешествие в Брест — там у «Белорусских песняров» был концерт. Приехали домой, жених заснул без задних ног, а наутро... укатил в Витебск на следующий концерт. В общем, даже на свадьбу тратиться не пришлось — оставалось пересчитать заработанное. А почему так поздно решился? Наверное, на все прошлые двадцать девятые февраля концерты попадали или фуры с макаронами отгружал.

«ДЯТЕЛ И ПТИЧКА»

Кстати, с какой-то конкретной птичкой я Ольгу никогда не идентифицировал. Правда, дома у нас есть фотография, где Оля с попугайчиком целуется. Вот пожалуйста: показал любому — и нет вопросов. А почему Птичка? Мне удобно её называть именно так! Причём удачно вышло, все друзья мою идею подхватили: позвонят и обязательно спрашивают, как там Птичка. И на картине, которую под заказ написала ко дню нашей свадьбы белорусская

Вверху: Сын Дима, невестка, внучка. 2016 год. Внизу: Филиал моей семьи на Британских островах — подданные королевы Елизаветы II: внук Майкл, дочка Каролина (справа) и её муж Майк (в центре). Слева я с женой Ольгой. Лето 2016. Фото: Татьяна Матусевич

художница Зоя Луцевич, сразу пара пернатых. Я её называю «Дятел (понятно кто) и Птичка». Абстракция, а для меня — шедевр! Подарила эту картину соседка по даче Наташа Потоцкая.

КАК Я ИСКАЛ ЧЕТЫРЕСТА ДОЛЛАРОВ, МАШИНУ ГРЕЧКИ И...

Через пару лет в бизнесе пришлось признаться самому себе: в пятьдесят поздно начинать новое, тем более приспособливаться к законам выживания 1990-х. Как не всем в «Песнях» дано было играть, так и в моей голове всё тюкало: не то, не моё... К тому же особых успехов не было. Разве что стабильность радовала: заводик, магазин, офис, своя квартира. Ну а помог приблизиться к музыке, как и всегда, случай. Мои российские партнёры ради положительного имиджа своего бизнеса в Беларуси искали объект для предметной помощи. Я им подсказал лицей при консерватории. Договорились с директором этой школы об открытии стипендий — пяти для педагогов и пяти для учеников. Вроде и небольшие деньги (по сорок долларов каждому стипендиату в месяц), но тогда это было весомым подспорьем. А деньги проходили через Фонд Владислава Мисевича, который мы с россиянами и учредили. Абсолютно белая схема, отработанная в мире: под известное имя (пусть кто-то и спросит: а где тут, собственно, известное имя?) перечисляются деньги на благотворительность. Правда, со временем эту тему партнёры «замылили», и я оказался в ситуации, когда чужие деньги на счёт так и не капнули, а перевести от моего имени конкретную сумму надо к такому-то числу. Пару раз залез в свой карман, но случилось и так, что дела у фирмы шли туго и дать было нечего. Тогда бежал просить поддержки по этажам офисного здания, в котором работал. А однажды машину гречки подогнал к гимназии: больше дать было нечего. Но держался до последнего — почти до второго захода в «Песняры»! До сих пор отчётные концерты помню: дети порой до слёз доводили — столько талантов! И ты к их будущему немного причастен.

...ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ НА ГОНОРАР АРУТЮНОВУ

Ещё фонд дважды поддержал фестиваль «Блюз живёт в Минске», который придумал известный белорусский музыкант Гена Стариков. Мой хороший знакомый Лёня Муха, тогда директор кинотеатра «Москва», предоставил помещение. А порядка десяти тысяч долларов из фонда пошли на гонорар российскому блюзмену Николаю Арутюнову. Сумму на эти цели перечислила известная табачная компания, которая была готова помогать, но хотела работать только через серьёзную структуру — например, этот самый фонд. Конечно, за каждую копейку перед табачниками отчитались! Благодаря этой активности я закурился в уже обновлённой музыкальной

тусовке Минска, где появились, допустим, «Троїца», «Rouble Zone», «Крама»... Но всё пока что из зала, из-за кулис: получал удовольствие от новой музыки, но не тратил нервы на организационные вопросы, как когда-то в «Песнярах». Так, наверное, набирал силы для второго прихода в профессию. Правда, что и как будет, я ещё долго не представлял.

Заочно познакомился с Авериным

Специально за «Песнярами» после своего ухода я не следил. Ну, что-то по телевизору или на радио проскакивало. Из этого последнего вдруг услышал «Гитару» в исполнении Мулявина. Косвенно, получается, я узнал о появлении в коллективе Олега Аверина, автора музыки к этой песне, а познакомился с ним лично куда позже. (А уже в «Белорусских песнях» выяснил, что слышал первую версию, которая потяжелее, и что существует не такой впечатляющий «лёгкий» вариант — его Олег делал с подачи Пенкиной.) Тогда я сразу подумал: а Володя-то наконец нашёл чем заменить «Крик птицы». (Правда, некоторые «песняры» до сих пор принимают на свой счёт, обижаются за слова в стихах Юрия Рыбчинского о «друзьях продажных», хотя тогда, в 1992-м, все расходились мирно, а «все совпадения случайны».)

Позже по радио же слышал «Ночку цёмную» Олега Аверина, обратил внимание на «Малітву» Олега Молчана (а «Чырвоная ружа» и сегодня не ложится мне на душу, хотя песня, конечно, на все сто Володина). Оценил, что все давние «провальчики» от ухода мощнейших аранжировщиков наконец-то закрыли новыми талантливыми ребятами. Ну а сам Мулявин, известное дело, будет в форме — лишь бы сам того хотел. Потом мне попала в руки голландская пластинка. Песни те же, но качество записи другое. И аранжировки обновились: даже один-два аккорда изменённых — уже свежинка пошла, а значит, ребята работают, думают, как подать себя по-новому, не выходя за границы жанра, но и не отставая от времени.

Такого от Мулявина не ожидал!

В транслировавшемся концерте к двадцатипятилетию «Песняров» со «Славянского базара» что-то понравилось, что-то не очень, но получилось достойное напоминание об ансамбле (а лет через десять уместным там показалось абсолютно всё). И такого результата я от Володи не ожидал! «Песняры» с горизонта звёзд первой величины успели пропасть. Но, выходит, когда мы ушли, Мулявин встрепенулся, завязал не завязал, но вернулся с новыми пацанами — Молчаном, Катиковым, Авериным (находки ансамбля в 1990-е!) — в хорошую творческую и физическую форму. Дал о себе знать год-другой продуктивной работы с большими концертами в ви-

тебском амфитеатре и в родном минском Дворце спорта. Государство выделило деньги — появился масштаб: участвовали Пугачёва и Бабкина, задействовали хор и балет! На сцену вышли уже давно москвичи Яшкин и Демешко, из Америки прилетел Кашепаров, поздравил ансамбль Дайнеко, который тогда уже работал в оркестре Михаила Финберга. Звали и меня, но, поскольку от имени Володи звонила Пенкина, я, мягко говоря, в экспрессивных выражениях отказался.

В жюри Национального фестиваля белорусской песни и поэзии в Молодечно пару раз послушал «Песняров» вживую — снова то же впечатление: ребята не дремали! Мулявин — блестящая вокальная форма! Пеня — опора вокального аккорда. Аверин, Катиков и Молчан — умноженное новыми талантами продолжение темы «Песняров». Марусич и Молчанов — профессионалы в своей области. Ответственный и незаменимый мастер звука Саша Попроцкий. Крепко сбитый, сыгранный состав. Об этом не говорят, но, не будь этих людей в 1990-х с их молодым энтузиазмом при копеечных зарплатах, «Песнярам» — конец.

И ТАКОГО — ТОЖЕ...

Но только я успел порадоваться, как в одной из белорусских газет в 1996-м выходит интервью Мулявина и Пенкиной. На вопрос, чем занимаются бывшие участники «Песняров», Володя обмолвился и обо мне: ушёл на пенсию и торгует водкой. Я считаю так: чего ты достиг в жизни — такой ты и есть. Но после четверти века совместной работы это что — единственная характеристика, которую смог мне дать Мулявин? Тем более все сведущие в «песняровских» вопросах знали: пенсия духовика — формальный повод для ухода. И в принципе в 1992-м я ушёл без скандалов и претензий. Мы с Володей оговаривали, что не станем будоражить друг друга какими-то взаимными высказываниями. Да и торговля водкой (кстати, через фирменный магазин одного из белорусских заводов) вроде бы не ставит на мне крест как на бывшем участнике «Песняров». К тому же продажа алкоголя — это с точки зрения бизнеса элита!

За весь период работы на сцене у меня случилась пара проблем с прессой. Причём не из-за критики (её хватало со времён взлёта «Песняров», но, как правило, дельной) — факты искажали. (Ещё хуже, когда публикуют сказанное «не для печати»: был у меня такой опыт, но он имел благополучное разрешение — помирились с нарушителем через интернет.) И вот снова та же история. «Подогретый» этими своими мыслями, звоню в редакцию газеты: хочу поспорить, не согласен, требую опровержения или возможности изложить факты. В конце концов, это имя, репутация, а я знаю цену

своей работы. Журналистка не за одну неделю добила ещё одной встречи с Пенкиной, но конкретики по моим претензиям не услышала. Тогда на горизонте появилась другая корреспондентка, из газеты «пожелтее». Может, и сгоряча, а наговорил я ей немало. Но борьба за выживание правильна всегда и в любой форме, тем более когда ты прав. Так что оторвался по полной... И окончательно понял: за эти несколько лет, как я ни убеждал себя, поставить точку в моей истории с «Песнярами» не удалось.

РАСКОЛ СПРОВОЦИРОВАЛИ ДЕМЕШКО И БОРТКЕВИЧ

А дальше начались звонки: не только мне — и Валере Дайнеко, и Володе Мулявину. Сперва разговоры о новом заходе в «песняровскую» тему, но без государственной крыши пошли от Шурика Демешко (а его поддержал Валера Яшкин) году в 1996-м. Мол, соберём тех самых ребят, сделаем концерт из золотых шлягеров «Песняров» — и вперёд! И как только Шурик приезжал из Москвы, всё повторял: «Давай, давай, давай!..» За полночь засиживались на моей кухне, обсуждали. Были и ночные звонки от Лёни Борткевича с тем же посылом. Понятно, что завелись они не на голом энтузиазме: Борткевич видел популярность темы ретромузыки в США, а Шурик со своей колокольни судил об интересе к вокально-инструментальным ансамблям. К примеру, с Вовой Мулявиным эти разговоры ни к чему конкретному не привели, а я крепко призадумался. Настойчивые аргументы Шурика и Лёни с течением времени всё меньше казались бредом или утопией. Про себя рассудил так: силы для второго рывка в музыку я накопил, так почему бы не испытать себя, не вернуться в молодость, да и заработать попробовать? Подбили они меня заскочить буквально на подножку последнего вагона эпохи ВИА. Правда, я и близко не стремился создавать свой коллектив: и возраст не тот, и не на пустом же месте такое дело затевать. Зато размяться на сцене со знакомыми песнями в приятной компании — почему нет? С названием вопроса вообще не возникло — только «Песняры». Конечно, перетягивание темы — грех на душу перед Володей (а он, судя по всему, не спешил участвовать в задумке). Но и мне, и Шурику, и тому же Яшкину это слово не чужое.

«ЕСЛИ ДЕЛАТЬ, ТО ТОЛЬКО БЕЗ МУЛЯВИНА»

Для себя я сразу уяснил: с Лёней по ряду причин работать не смогу. С Шуриком — наоборот. Правда, он на сцену и не рвался — не считал, что будет там полезен, и предлагал своё участие как администратора. Яшкина не стало буквально в это же время. Но имелась проблема (во всяком случае для меня): Демешко и Борткевич на-

стаивали на работе с Володей Мулявиным. Мол, надо его вырвать из государственного ансамбля, уговорить, помочь решить проблемы с выпивкой... Находясь в Минске, я всё-таки знал побольше Шурика, уже много лет москвича (не говоря уже про жившего в Америке Лёню), и понимал масштаб Володиной проблемы. Да и обида на его оценку ещё не отпускала... В общем, с первых же кухонных разговоров с Шуриком я высказался резко: если делать, то только самим, без Мулявина, иначе не тронусь с места. Но Шурик настаивал. Со временем у Демешко появился такой вариант: выступать самостоятельно, но под удалённым руководством Мулявина. Я стоял на своём: только сами. Правда, тогда же Демешко с Валерой Яшкиным собрали и издали шестидисковую антологию «Песняров» на московской студии «Мороз-рекордс». Делалась она впопыхах, и в результате у них возникли серьёзные проблемы с Вовой — что-то по суммам авторских отчислений: кому сколько, как говорится. Так что тема «реюниона» с Мулявиным-рулевым заглохла окончательно, во всяком случае на первом этапе. А потом и сама идея Демешко и Яшкина сошла на нет: слишком разными в своих интересах и слишком разбросанными территориально оказались многие из «тех самых». Правда, Шурик успел дать пару громких интервью про «водку и баб» да про «разбитных «Песняров»», где и о своём проекте обмолвился вскользь.

ЗВЕЗДА ЕСТЬ!

Я же за пару месяцев раздумий загорелся по-настоящему, стал вкручиваться в новое дело. Тем более Демешко в Минске бывал наездами, а я — постоянно. И первым поговорил с Валерой Дайнеко. Для меня было ясно изначально: Дайнеко — оригинал, ни с каким другим артистом (не только из «Песняров») не спутаешь, монстр в пении, грамотнейший музыкант и выдающийся вокалист. Даже в хорошо известной или вроде бы несвойственной ему песне голос Дайнеко прозвучит иначе, чем в первоисточнике. Во времена «Песняров» Валера внёс значительное разнообразие в уже сформированную вокальную линию из голосов Мулявина, Борткевича, Кашепарова. Да, публика стонала, песни длинные, значит, музыкально богатые, красивые, но — солисты мяукали, как коты, что всё больше не нравилось Володе («До пенсии, что ли, все эти распевки тянуть?»). И вдруг благодаря таланту Валеры не просто добавился голос, а весь аккорд вышел на новую перспективу, открылась свежая западная манера, которая скоро стала фирменной для ансамбля. Может, кому-то это заявление покажется смелым, но я уверен: когда-то Дайнеко спас от заезженности вокал «Песняров», а Мулявин при помощи Дайнеко — самих «Песняров».

А ведь поначалу, помню, казалось: голос у Борткевича поярче, у Кашепарова — характерно народный, с Мулявиным тоже всё ясно, но с Дайнеко просто потребовалось время, чтобы во всём разобраться. В общем, дай Валера согласие — можно решаться на попытку возвращения на сцену.

И он был не против, несмотря на комфортное свободное плавание, поучаствовать в чём-то подобном. Правда, сразу поинтересовался, а что петь-то будем — снова «Касіў Ясь» и «Пущу»? Тогда мне, наверное, сложно было ответить конкретно, ведь договаривались о самой возможности совместной работы. (Лучшим же ответом стали первые песни, показанные нам вскоре Олегом Авериным.) Зато мы с Дайнеко ещё на берегу уговорились: у него успешная сольная карьера, он — главная звезда, так что может уйти в любой момент. Ну правда: в какой-то момент Дайнеко по популярности опередил самих «Песняров» в Беларуси. Его, наверное, единственного из бывших коллег, выступавших сольно, не представляли исключительно как «одного из “Песняров”» — о, такое редкому артисту дано после участия в популярной группе. Валерина карьера состоялась в масштабах страны, и за её пределами была узнаваемость. Всё по таланту. Думаю, ни у Володи Мулявина, ни у кого другого вопросов бы тут не возникло. (А как раскрылась, если забегать вперёд, в «Белорусских песнях» его страсть к экспериментам, вокальным импровизациям, которая играет в плюс и коллективному творчеству!) Правда, Валера тоже как-то сразу засомневался, что с Володей мы сварим кашу. Он регулярно с ним пересекался на «солянках» за кулисами, и впечатления, как говорится, накопились.

СООБРАЗИЛИ НА ТРОИХ

Переспросил я тогда же и Игоря Пеню: как дела в ансамбле? Да, лямку тянут, но все на грани — сидят без концертов, то есть без денег, ну а Володя... Короче, всё по-старому. Значит, всё, как я предполагал: счёт ансамблю шёл если не на недели, то на месяцы. Ну, тогда об этом в Минске разве что ленивый не слышал. Тогда я, Дайнеко и Пеня (при поддержке Шурика Демешко из Москвы) приняли окончательное решение пробовать. Чуть ли не каждый день собирались в офисе моей с компаньонами фирмы на минской улице Платонова. Рабочие с ящиками водки ходят, магазин за стенкой, снизу бар, а мы пытаемся под этот звон стекла просчитать варианты. Ведь никакой конкретики, никаких гарантий — только возможность поработать по-новому, но остаться при этом «Песнярами» и избавиться от негатива. К тому же, уходя от модели госансамбля, получаем все рычаги управления финансами — значит, есть стимул работать только хорошо. Ну а если ничего не выйдет... Мы с Дайнеко, счи-

тай, ничего не теряем, а вот у Игоря только один путь — увольняться из «Песняров». Какой-никакой запасной вариант у него был: Финберг подыскивал солиста в свой оркестр и интересовался Пеней. Так что я ему посоветовал присмотреться заранее.

«ИЩИТЕ НОВОГО ТЕНОРА»

Но события неожиданно изменили свой ход и направление. Ближе к концу 1997-го Пеню пригласил на встречу министр культуры Александр Владимирович Сосновский — узнать у самого опытного после Мулявина участника «Песняров», почему ансамбль находится в упадке. (Наверное, эту встречу некоторые и считают историей о том, как Министерство культуры вызывало «песняров» по одному и настраивало против Мулявина.) Поговорили, обменялись мнениями, у Игоря даже поинтересовались, не хочет ли он стать «у руля», если Мулявин в один прекрасный день прекратит работать окончательно. Пеня отказался. Но не успел он выйти из Министерства, как оттуда «доверенные лица» уже сообщили об этой встрече Пенкиной. Ну а дальше Мулявин сказал Олегу Аверину и Алику Катикову: «Ищите нового тенора». Для них это оказалось точкой кипения: пошли и высказали Володе свой протест. Всё, ситуация — на ножах. И пацаны уже на чемоданах...

НАСТРОЕНИЕ — ХОТЬ РАЗБЕГАЙСЯ

В общем, за время наших обсуждений втроём стало ясно: критическая ситуация в «Песнях» — по всем фронтам. Что ребятам сулили «Песняры»? Выступают редко в полупустых залах, чуть ли не самые лучшие концерты — по белорусским санаториям на местной нулевой аппаратуре. И ладно бы Вова на сцене. Но он и в санатории не особо спешил, и в неплохие московские залы, и от командировок по министерской линии вроде дней культуры отказывался. В общем, сложилась система. Да только как ехать выступать за страну, за «Песняров», когда «чистый» вокалист-фронтмен — один Пеня? Правда, он продавил однажды идею пригласить Валеру Дайнеко на этот выезд. Хотя по большому счёту солист требовался постоянный. А ведь и полупустой зал не страшен, если лидер рядом, в хорошей форме, зрителей с одной улыбочки покоряет. Тогда у всех на сцене настроение клёвое, ансамбль в ударе. Нет его — и пошёл холодок. И вроде слова говоришь правильные (сам через это прошёл чуть раньше), что Владимир Георгиевич отсутствует по состоянию здоровья или занят в качестве советника по культуре президента Беларуси и что концерт хуже не станет. Но кто поспорит, что между словами «Песняры» и Мулявин — знак равенства? Короче, настроение у коллектива — хоть разбегайся.

НЕ РАЗ ВЫЙТИ ОГУРЧИКОМ, А ПАХАТЬ

Я сразу вспомнил свои рассуждения после двадцатипятилетия ансамбля. С точки зрения бизнеса меня за всей парадной картинкой удивляло одно: почему положительный результат не закрепили, не развили, когда было самое время напоминать о себе, подниматься и зарабатывать? Раз встрепенуться, выйти на сцену огурчиком? Так не пойдёт. Тут надо пахать — снова и снова. Ну а получалось, что лет десять ещё в мою бытность в «Песнях» и пять лет после моего ухода прошли впустую. Всё говорило о затяжном кризисе, который, к сожалению, Володя Мулявин в «Песнях» так и не преодолел.

Помню, как удивился в первые дни директорства в государственном ансамбле, сколько отличного материала у Катикова и Аверина в «Песнях» не попало на большую сцену и экран — были репетиции, обкатка, но на действительно широкую аудиторию с этим не выходили. Тут в студии засесть бы хоть с единственным исправным магнитофоном, найти деньги на альбом, не вылезать из телеэфиров, как тот же госансамбль делал буквально через год, но без Мулявина. Короче говоря, пахать и пахать, как сам Володя и рвался в начале 1990-х. Ведь все эти песни мы до сих пор поём — и принимают их «на ура»! Но ситуация за пять лет перевернулась с ног на голову, Мулявин её отпустил. Думаю, увидел, что надо с головой погрузиться в работу, да ещё, считай, начинать сначала — тогда и плюнул на это всё. Вот и выходило, что Алик Катиков собирал деньги у сотрудников недавно самого знаменитого на одной шестой ансамбля и ехал через пол-Беларуси на мясокомбинат под Гродно за колбасой, потому что так дешевле выходило. В кармане-то пусто.

КОГДА ОТЦА ПРИХОДИТСЯ БРОСАТЬ

Ну а Вова Мулявин самоустранился от дел ансамбля и во всём положился на жену, Пенкину, — где-то по слабости перед ней (а она уже стала помощником худрука — получается, круглосуточным), где-то от излишнего доверия по любви. Я когда слышал о деталях, не верил: Мулявин при наших с ним встречах, не выбирая выражений, выставлял её за дверь. А тут устами Пенкиной «транслировалось» мнение Володи (и за Володю) по всем вопросам! И ведь застать его на работе или спросить о чём-то лично было едва ли невозможно. Зато каждый, от осветителя в филармонии до министра культуры Беларуси, знал, как Володя устал и что у него нет своего угла для работы и творчества. Потом пошли разговоры о вещах, о которых сам Мулявин в жизни бы не заикнулся, как мне кажется из нашего многолетнего знакомства. Зато излишне активный помощник худрука в коридоре предлагала Олегу Аверину: «Ну ка-

кая тебе разница, чья песня “Гитара”? Раз её поёт Володя, то пусть он и будет её автором...» Тут бы послать или хотя бы высказаться, но что Олег, что Алик Катиков с Мулявиным и Пенкиной на «вы» — значит, в зависимом положении. Значит, терпишь до предела, даже когда по рукам бьют. Вот только рвать, метать и жертвовать всем ради работы уже не станешь...

Короче, из того, что творилось за кулисами (и в тёмных коридорах филармонии, где их всегда хватало), пацаны уяснили, с кем нельзя работать в принципе, а с кем можно, но только в определённом состоянии. Наверное, унылая перспектива подёнщины в ресторане разве что и сдерживала ребят уйти пораньше. Ну и чисто человеческое отношение к Муле — он как отец родной, даже если отца приходится бросать, чтобы спастись самим, не завязнуть в болоте, куда он тянет. Только сцена отчасти гасила внутреннее напряжение — это уже профессиональное: на видеозаписях тех лет все улыбаются друг другу. Есть, к примеру, одна любительская, конца 1997 года из Москвы: смотришь и не веришь, что у нас с пацанами были все эти разговоры, — на сцене настоящая команда великолепных музыкантов и блестящий Мулявин!

Но есть такие моменты, когда творчество уже не спасает — больше о приземлённом думаешь, о насущном. Даже нырнуть в шоу-бизнес на свой страх и риск без денежной подстраховки считаешь за счастье.

СКОРЕЕ ВСЕГО, Я ЕЁ ПОСЛАЛ

Ну и подливала, подливала она Володе — рюмками, стаканами. Вот и пошли у него один за одним пропуска концертов: заболел, не захотел, передумал... И выпить перед концертом уже не проблема: за рукав-то никто не хватал. Выходит, моё присутствие рядом или слова Дайнеко были совсем не лишними. Разве Пеня, последний из тех, кто варился в совсем других «Песнях», много навоюет в одиночку, когда нормой стало отсутствие нормы? А ребятам помоложе чем давить? Да, «старики» вроде меня подобное о «Песнях» и представить не могли бы, тем более конкретно о Мулявине. Он сам говорил вроде в шутку, но при том и всерьёз ещё в начале пути: можно пить перед работой, можно после работы, можно во время, но нельзя — вместо работы. Хотя начало конца и я застал. Сам я последний раз крепко выпил в «Песнях» ещё до двадцатилетия ансамбля, а после юбилейного концерта в 1990-м просто не пошёл на банкет. Пенкина с явным неудовольствием тормознула меня возле гримёрки: «Ты не хочешь выпить с самим Мулявиным, народным артистом СССР?» (Володя только получил это звание). Послал ли я её в ответ или промолчал — не вспомню уже. Скорее всего,

послал — у нас такая форма общения, не вызывавшая смертных обид, считалась нормальной не только с Пенкиной.

СОБРАНИЯ «АНОНИМНЫХ ПЕСНЯРОВ»

Кстати, вряд ли кто-то из нас мог сказать, сколько протянет наш проект. Мыслили сегодняшним, максимум завтрашним днём: есть интерес к ВИА, есть волна, так почему бы не успеть забраться на её гребень? Попробовать, во всяком случае. Глянь ты: какие-то ВИА из областных филармоний, которые мы в своё время ни во что не ставили, лабают себе да ещё и в телевизоре мелькают, так почему бы и нам год-два не поработать и подзаработать, не подышать другим воздухом, не почувствовать себя на достойном прежних заслуг месте? Больше — навряд ли...

Наверняка цели у каждого были свои, но точно одно: все мы хотели работать, по возможности с творческой самореализацией. Я же, поскольку бизнес всё равно оставался за мной, рвался в тот мир, где ещё мог что-то сделать. Ну а начать по новой с теми, кому ничего лишнего объяснять не надо, — это просто мечта, упавшая в руки. Мы сразу решили не брать «чужих», даже бывших коллег (только о Володе Ткаченко задумывались, но не сложилось). В конце концов, у нас не было проблемы «а кто эти чуваки на сцене?», характерной для большинства возродившихся ВИА. Другое дело, что пора бы действовать, а у нас всё собрания «анонимных песняров» какие-то. Единственное, о чём конкретно договорились: через знакомых администраторов сделать для пробы несколько концертов. И чтобы никаких филармоний — созвонились бы с москвичами, назвали участников концерта и поехали выступать. Афишировать себя как полноценный коллектив не планировали. «Выступают артисты ансамбля “Песняры” (это слово, конечно, огромными буквами) разных лет», «те самые исполнители “Беловежской пуши”, “Вологды” и “Белоруссии”» — что-то в этом духе. Может, даже на «Золотые голоса золотого состава» покусились бы, тем более Толя и Лёня пока о такой перспективе сотворчества всерьёз не задумывались.

И вдруг Паша говорит...

За это время (во второй половине 1997-го) в студии «Песняров» отказала последняя аппаратура, и без того устаревшая. Тогда ребята поддержали Мулявина (хотя одной ногой, как говорится, были уже не в ансамбле) — подписали вместе с ним письмо в Министерство культуры: отказываемся работать — нет условий. А я, пока происходили все эти наши собрания, зашёл к своему другу Паше Якубовичу. Рассказал ему за рюмкой о том, что мы думаем о совместной работе, что у Володи — полный развал, а пацаны из «Песняров» чуть

не заявления написали. И вдруг Паша говорит: а может, в рамках госструктуры поработать по-новому? «Вдруг получится, да и не изгой же вы с Дайнеко в “Песнярах”...» Я толком ещё ничего и не ответил, как Паша (главный редактор президентской газеты всё-таки) набрал прямой номер министра культуры Александра Сосновского и обрисовал ситуацию. Тот сразу же: «Очень вовремя позвонили! Отправляйте их ко мне, есть предложение!» Вот Паша меня и послал!..

«Подумайте об этом серьёзно!»

А министр неспроста искал за кого бы вцепиться, чтобы решить ситуацию в «Песнярах», — с него тогда всю снимали стружку: почему не работает ансамбль, почему его нет на государственных мероприятиях, где новый материал? В общем, он головой отвечал перед своим руководством за раздраз в «Песнярах». В конце концов была поставлена задача конкретнее некуда: делай что хочешь, но ансамбль должен работать. Так что Сосновский принял нас с Валерой Дайнеко от имени «группы товарищей» как спасителей, надеялся на менее болезненное решение проблемы. Потому и наш бизнес-план из двух коротких пунктов — уйти на вольные хлеба и зарабатывать — поддержал наполовину: почему бы не зарабатывать в государственном коллективе за счёт активизации гастролей? Но сразу предупредил, насколько непростая ситуация. Творческие проблемы — только видимая вершина айсберга: хватало брешей с финансово-экономической стороны, а сколько вопросов осталось по бюджетным средствам, которые переводились через «Песняров» на День Беларуси на «Славянском базаре» в 1996-м (его постановкой занимался и Володя Мулявин)... «Помощников» вокруг и поближе к кассе хватало. Сосновский объяснил, почему на недавнее письмо по аппаратуре тишина: мол, очередные оправдания, отписки. А во что вкладываться государству? И если давать деньги, то окажется ли прозрачным их путь? Короче, на многое закрывали глаза, постоянно вытаскивали госансамбль из проблем. Почему? «Так это же Мулявин, как иначе?!» — такой был аргумент.

Но коль есть шанс на конкретный результат — разговор пойдёт совсем другой. И если мы, Мисевич и Дайнеко, решим вернуться в «Песняры» («Подумайте об этом серьёзно!» — сказал Сосновский), получим «зелёный свет» во всех начинаниях. Да, имея на руках подобный карт-бланш, практически чрезвычайные полномочия, министр был готов идти даже против Мулявина. Чтобы творческая часть стабилизировалась, первым делом на должность директора Александр Владимирович пообещал подыскать толкового управленца, а за Мулявиным оставить только художественное руководство. Но если Володя спустя какой-то срок захочет вернуться,

препон чинить не станут (хотя в эту перспективу, наверное, ни мне, ни другим переговорщикам не верилось). Надеюсь, этой ситуацией, говорил Сосновский, нажмём на какие-то его точки болевые, чтобы заставить вернуться в строй. Он же мужик, и мужик гордый!

НЕ «ПРИ ЖИВОМ МУЛЯВИНЕ»

Мы с Валерой, вдохновлённые намеченным раскладом, обсудили всё с ребятами нашего вышеназванного анонимного клуба. Идти против Мулявина — огромный риск с нашей стороны, будь мы хоть сто раз правы. Но все согласились, коль уж государство в лице министра культуры гарантировало поддержку. Короче, готовы были рисковать. Вот только охотника стать директором «при живом Мулявине» за несколько недель поисков не нашлось. Самые дальновидные подумали о том же риске, других смущали морально-этические соображения, кто-то предполагал непростой климат в коллективе, кому-то масштаб был не тот. А Игорь Пеня, которому уже повторно поступило такое предложение, просто отказался без лишних комментариев.

СОГЛАСИЛСЯ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Тогда участники нашего проекта вспомнили, что Мисевич-то теперь не просто так, а бизнесмен — то есть большой человек! В общем, назвали мою кандидатуру, которая всех устроила. Ну а я подумал так: если лад в ансамбле — какая разница, кто директор? И согласился на один год. (Кстати, единственный случай, когда мне пригодился диплом о высшем образовании, хотя на бумажки в той ситуации смотрели сквозь пальцы.) Правда, возвращался я на сцену, в музыку, а не командовать. Тем более по этой части с прикладным опытом у меня слабовато. Но директора других учреждений культуры обещали подсказывать поначалу, да и за пять лет в бизнесе договоры, бухгалтерия были для меня уже не пустыми словами. А этические моменты я просто отбросил: посчитал, что зла общему делу точно не принесу. Отношения с Мулявиным уже лет десять не тянули на дружеские, к тому же он вряд ли кинется решать свои проблемы, как не кинулся и десять лет назад, когда они возникли. Зато коллектив не опрокинешь, не пошлешь на три буквы. Наконец, я вспомнил, что Володя как-то предлагал мне стать директором «Песняров». Значит, определённое моральное право вернуться к этому вопросу я имел, пусть и с опозданием в десятилетие.✘